

К 100-летию начала Первой мировой войны

Е. А. РОСТОВЦЕВ, И. В. СИДОРЧУК

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ: ПРОПАГАНДИСТСКИЕ ТЕКСТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В статье анализируются пропагандистские тексты академического сообщества периода Первой мировой войны. В фокусе внимания – военная публицистика ведущих профессоров и преподавателей российской высшей школы – В. М. Бехтерева, Э. Д. Гримма, Ф. Ф. Зелинского, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, М. К. Любавского, М. И. Ростовцева, Е. Н. Трубецкого, М. И. Туган-Барановского и др. Авторы выделяют основные этапы и дискурсы академической пропаганды в контексте отношений власти, общества и высшей школы. Согласно наблюдениям авторов, содержание публицистических текстов преподавателей высшей школы в ходе войны претерпевает существенную эволюцию: тема войны как борьбы за культуру и науку, против варварства, постепенно вытесняется формированием «образа врага», борьбы с «немецким засильем». Как показано в статье, идея «внутреннего мира», объединявшая многих представителей науки и авторов патриотических текстов, постепенно исчерпала себя – в военной публицистике помимо внешнего врага, очевидно, начинается и поиск врагов «внутренних».

Ключевые слова: Первая мировая война, российский патриотизм, российская публицистика, история высшей школы, история университетов, борьба с «немецким засильем», «образ врага».

Первая мировая война, разразившаяся 100 лет назад, затронула все слои российского общества. Разумеется, не могли оказаться в стороне и отечественные ученые, большинство из которых занимало активную гражданскую и политическую позицию. Их реакцией на войну стали не только различные актуальные научные проекты (КЕПС, расширение медицинского образования и т. п.) или научные исследования, тесно связанные с нуждами военного времени, но и пропагандистские тексты, в которых ведущие представители русской науки весьма резко и, возможно, искренне выражали свое отношение к случившейся катастрофе. Их рассмотрение позволяет достаточно ясно увидеть картину ценностных ориентиров ученого сообщества, комплекс связанных с полити-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ, грант № 5.38.98.2012 («Петербургский университет в истории России XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть»).

ческими пристрастиями взглядов, а также изменения в его настроениях с течением времени. Несмотря на то что в историографии имеется ряд работ, анализирующих позиции российского научного сообщества в годы войны¹, тема его участия в формировании системы российской военной пропаганды и его роли в российской публицистике военного времени еще ждет своего рассмотрения. В фокусе внимания авторов настоящей статьи будет позиция преподавателей высшей школы в годы Первой мировой войны, которая выражалась не только в печатных текстах, но и доносилась с кафедр до студенческой аудитории, т. е. до той молодой российской интеллигенции, значительной части которой предстояло доказывать свой патриотизм на полях сражений. В этой связи для авторов важными были вопросы о том, какие основные дискурсы были сформированы в профессорской публицистике?, на какие этапы можно разделить историю академического патриотизма?, насколько он был связан с патриотизмом студенчества и общества в целом?

1914: «Борьба за культуру»

С началом войны большинство членов академической корпорации, как и население страны в целом, было охвачено патриотическим подъемом, чувством единения нации ради победы. Объединяющей стала идея так называемого «внутреннего мира», т. е. примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснование русского империализма как «освободительного» для славянских народов и Европы, но одновременно и мысль о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями².

При этом, разумеется, и в этом общем патриотическом хоре русских ученых можно выделить различные точки зрения. Так, в литературе рассмотрены различные ответы российских высших учебных заведений на воззвание немецких ученых «К культурному миру»³. Подчеркивается, что их тональ-

---

¹ См., например: *Дмитриев А. Н.* Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны / Ред. Э. И. Колчинский, Д. Байрау, Ю. А. Лайтус. СПб., 2007. С. 236–255; *Иванов А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» (очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 108–127; *Смирнов Н. Н.* Война и российская интеллигенция // Россия и Первая мировая война: материалы международного научного colloquiuma / Отв. ред. Н. Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 257–270; *Носков В. В.* «Война, в которую мы верим»: начало Первой мировой войны в восприятии духовной элиты России // Там же. С. 326–339 и др.

² См. об этом, например: *Шелохаев В. В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. Ю. А. Писарев, В. Л. Мальков. М., 1994. С. 127–140; *Шелохаев В. В.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998. С. 355–366.

³ К культурному миру. Пг., 1914. С. 1–2; Манифест 93 ученых, Манифест германских университетов // Две культуры (к философии нынешней войны). Пг., 1916. С. 122–133. О войне профессоров см.: *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта: Первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Д. А. Сдвижков. М., 2001. С. 196–235;

ность была различной: от откровенно шовинистического заявления совета Университета св. Владимира в Киеве ⁴ до умеренного текста, составленного от «группы профессоров» столичного университета ⁵. Протоколы совета столичного университета также показывают специфику патриотической позиции профессорской корпорации. Основной упор делался на защиту цивилизации, европейской культуры, разоблачения «антикультурной» сущности идеологии немецкого и австрийского милитаризма ⁶. Это достаточно полно отражает позицию всего столичного профессорского сообщества. Если судить по университетским отчетам, позиция университета не содержит идейного обоснования профессорского патриотизма, так, отчет за 1914 г. ограничивается хроникальным перечислением патриотических акций ⁷. Совет Петербургского (Петроградского) университета не принимал радикальные предложения, предлагаемые, в частности, отдельными коллегами. Так, он отверг предложение А. С. Догеля об эмансипации от немецкой науки и по существу солидаризировался с точкой зрения декана физико-математического факультета В. М. Шимкевича, заявившего, что «война состояние временное, а научная работа – нечто постоянное и даже вечное» ⁸. О том, что особого патриотического угара в профессорской корпорации столичного университета не было, лишний раз свидетельствует история с исключением (согласно правительственному распоряжению) из числа почетных членов университета поданных воюющих с Россией держав. Петроградский университет по существу проигнорировал это требование, ограничившись исключением одного профессора фон Листа, подписавшего «Воззвание к культурному миру» ⁹.

Можно сказать, что в особенности на первом этапе для либеральной профессуры «врагом» была не немецкая наука, а немецкий милитаризм. Характерна позиция ректора Петербургского университета Э. Д. Гримма, выступав-

---

Maurer T. «Война умов» и общность европейцев. Размышление по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии... С. 57–78; *Maurer, T.* Der Krieg der Professoren. Russische Antworten auf den deutschen Aufruf "An die Kulturwelt" // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 2004. Н. 1. S. 221–247.

⁴ Ответ профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев, 1915.

⁵ Ответ германским ученым // День. 21 декабря 1914 г. № 347 (789). С. 3. Первая публикация текста (без подписей) состоялась еще 24 ноября в газете консервативного направления «Новое время»: Протест университета // Новое время. 24 ноября (7 декабря) 1914 г. № 13903. С. 4. См. об этом: *Ростовцев Е. А.* Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 2009. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. С. 308–324.

⁶ Протокол заседания совета СПб университета 29 июля // Протоколы заседаний совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 75.

⁷ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за 1914 год. Пг., 1915. С. 91.

⁸ Протокол заседания совета СПб университета 1 сентября // Протоколы заседаний совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. № 70. Пг., 1916. С. 80

⁹ См.: *Ростовцев Е. А.* Казус профессора фон Листа (эпизод из университетской истории периода Первой мировой войны) // Уроки истории – уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / Сост. Т. Н. Жуковская, отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2012. С. 308–315.

шего за защиту ценностей европейской цивилизации, за главенство высших этических ценностей над ценностями национальными и социальными¹⁰. Ему в статье «Наша первая победа» в «Русских ведомостях» вторил известный московский историк профессор А. А. Кизеветтер:

Мы ни на кого не нападали. Мы обороняем родную землю от вторжения врага и мы встали на защиту обиженных единоплеменных братьев. Наше русское и наше славянское дело сливаются воедино с общеевропейской борьбой против главного гнездилища милитаризма. И мы оказываемся в стане поборников культуры¹¹.

Весьма интересны высказывания такого радикального либерала, как бывший профессор Московского университета Е. Н. Трубецкой, который покинул его в знак протеста против политики Л. А. Кассо. Основным пафосом его публицистических текстов стало утверждение образа России как освободительницы народов и главным образом славянства:

Призвание России – быть освободительницей народов. Оно навязывается ей силой исторической необходимости, ибо оно связано с кровными нашими национальными интересами¹².

Цель России в войне исключительно освободительная, это ее миссия: «...задача всеобщего политического возрождения всех поработанных национальностей»¹³. При этом Трубецкой выступал с антиимпериалистических позиций, настаивая на решении польского вопроса для осуществления исторической миссии России:

Раздел Польши – именно тот исторический наш грех, который доселе служил и служит главным препятствием к осуществлению Россией ее освободительной миссии среди славянства. В этом грехе – вся сила австро-славизма, главная причина тяготения части славян к Австрии и по тому самому жизненное условие ее могущества¹⁴,
...нам нужно прежде всего сбросить с себя этот тяжелый камень, который тяготеет над нашей душой и парализует наши духовные силы. Возрождение Польши будет днем светлого воскресения и для самой России. Мы все это чувствуем и ради этого хотим победить¹⁵.

Таким образом, тексты второй половины 1914 г., скорее, отражают непосредственную реакцию на разворачивающиеся события и носят сравнительно немногочисленный характер. Основной пафос этих текстов – начавшаяся война со стороны России и ее союзников является «войной за культуру» против немецких варваров.

¹⁰ Гримм Э. Д. Пьяные илоты. Немецкие бесчинства и европейская культура // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 79–93.

¹¹ Цит. по: Иванов А. И. Первая мировая война и российская художественная интеллигенция: современные проблемы изучения // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Экономические и гуманитарные науки. 2004. Т. 10. № 3. С. 861.

¹² Трубецкой Е. Н. Смысл войны. М., 1914. Вып. 1. С. 9.

¹³ Трубецкой Е. Н. Война и мировая задача России. 2-е изд. М., 1915. С. 6, 11.

¹⁴ Трубецкой. Смысл войны... С. 13.

¹⁵ Там же. С. 46.

1915 г.: борьба с немецким засильем

Литература, посвященная образу врага в годы Первой мировой войны и борьбе с немецким засильем, обширна¹⁶. В какой степени в этом процессе участвовали представители российской высшей школы?

С нашей точки зрения, по тональности и основным пунктам содержания в определенной степени типичным можно считать речь «Моральные итоги Великой мировой войны» В. М. Бехтерева, произнесенную 2 февраля 1915 г. на торжественном актовом заседании Психоневрологического института, главой которого ученый являлся. В ней автор пытается проанализировать результаты войны для России и Европы. Академик приходит к важному выводу о необходимости создания «международного парламента» и нового мироустройства, в основе которого должны лежать высокие моральные ценности: «Необходимо создать международную организацию, которая бы имела и достаточную нравственную силу и материальные средства для предупреждения войн»¹⁷. Для России, по мнению Бехтерева, война важна как шанс на сближение с истинно культурными нациями:

...история показывает, что каждый раз, когда Россия сближалась с передовыми по культуре народами Запада, особенно с Францией, это отражалось светлыми страницами и в русской истории и, наоборот, сближение с германизмом омрачало и наше внутреннее положение¹⁸.

Автор противопоставляет ситуацию истории десятилетней давности – в отличие от Русско-японской войны, когда многочисленными были крики в пользу скорейшего мира на любых условиях, сейчас общий клич – «довести войну до победного конца», а голоса немногочисленных «пораженцев» заглушаются¹⁹. Война также является поводом к единению народов, освобождению от германского влияния России и угнетаемого немцами славянства, смягчению ограничений для евреев²⁰. Основу германского милитаризма Бехтерев видит в немецкой философии и специфике «германского духа»:

---

¹⁶ В частности, см.: *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; *Лейберов И. П.* Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. Сборник статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева / Отв. ред. А. Н. Цамутали. СПб., 1999. С. 497–501; *Хубертус Я.* Патриотические мотивы в русской культуре периода Первой мировой войны // Патриотические традиции русской культуры. Сборник / Науч. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 1993. С. 135–146; *Соболев И. Г.* Борьба с немецким засильем в годы Первой мировой войны. СПб., 2004; *Савинова И. В.* Анти-немецкие настроения населения Российской империи в 1914–1917 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 2. С. 179–184 и др.

¹⁷ *Бехтерев В. М.* Моральные итоги Великой мировой войны (речь, сказанная в торжественном актовом заседании Психоневрологического института 2-го февраля 1915 г.). Пг., 1915. С. 19.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 9.

...под внешней культурной оболочкой может скрываться «пруссский юнкер», воспитанный на телесном наказании в первоначальной школе и в особенности при военном обучении, который затем и сам перестает понимать основы разумного воспитания, не представляя его себе иначе, как с палкой в руке ²¹.

Очень интересным и буквально пророческим является высказанное опасение, что мировая война может повториться при условии заключения несправедливого мирного договора:

Нужно лишь пожелать, чтобы после войны было произведено более справедливое размежевание границ воюющих народов, дабы и побежденный германизм, сознав свою неправоту, мог примкнуть к союзу народов, борющихся за право ²².

Во многом схожей является позиция юриста, профессора Варшавского университета В. В. Есипова, работа которого «Германцы. I. Жестокий народ II. Жестокое право» написана с откровенно националистических позиций. В частности, он выражает надежду на конец немецкого влияния в России:

Пришел уже конец засилию немцев в России, как пришел давно желанный конец и засилию алкоголя в России. Справилась Россия с алкогольным дурманом, справится и с дурманом немецким ²³.

Не менее критичен он и по отношению к своим немецким коллегам. Осуждая позицию немецких профессоров, он пишет: «Все это и неудивительно. Ведь немецкие профессора – это недавние немецкие бурши, прошедшие свои “университетские” годы в различных “пивных союзах”» ²⁴. В другой своей работе 1915 г. «Славяне и немцы», вышедшей в первом выпуске «Немецкое зло», он еще больше усилил антинемецкую риторику:

А после всего того, что мы читали за 1914 год о разгроме немцами Лувена, Шантильи, Реймса и др., после всех тех ужасов, которые мы слышали от вернувшихся из Германии во время войны, где уж тут говорить о какой-то немецкой культуре! ²⁵

При всех возможных непониманиях между славянскими народами, особенно поляками и русскими, главным и общим врагом славянства являются немцы. Этот отказ от иноземного влияния должен проявиться во всем, включая переименование немецких названий городов (Ревель – Кольвань, Петергоф – Петрово Село и т. д.), а также в очищении речи от немецких слов ²⁶.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 17.

²³ *Есипов В. В.* Германцы. I. Жестокий народ II. Жестокое право. Варшава, 1915. С. 7.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ *Есипов В. В.* Славяне и немцы // «Немецкое зло». Сборник статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». Пг., 1915. Вып. 1. С. 21.

²⁶ Там же. С. 28.

Знаковым событием стал выход в 1915 г. сборника «Вопросы мировой войны» под редакцией петроградского профессора М. И. Туган-Барановского. Сборник открывался статьей Гримма (обрусевшего, кстати, немца). Он рассматривал войну как столкновение германства и славянства и призывал к борьбе до победного конца:

...конфликт между Германией и ее соседями не может быть разрешен иначе, как полной победой той или другой стороны в настоящем и пересмотром принципов современной экономической политики в будущем²⁷.

Только в успехе союзников он видел условие дальнейшего развития человечества:

Победа немцев была бы равносильна могучему укреплению самых отрицательных сторон современного склада международной, политической и национальной жизни Европы²⁸.

Схожие антигерманские настроения только еще более категорично декларировал молодой приват-доцент Петроградского университета А. Н. Вершинский. Описывая вековую историю эксплуатации русского народа немцами, он замечает: «По меткому и образному выражению одного современника немцы, точно комары, сосали кровь из русского народа и потом улетали в свои края»²⁹. Автор выступает резко против мнения о том, что немецкие ученые, мастера и промышленники внесли значительный вклад в развитие России.

Отдельный интерес представляют работы ученых-историков, для которых характерно рассмотрение начавшейся войны в историческом контексте. Они ищут обоснования германскому милитаризму, близости России и союзников, «славянскому единству». В частности, к числу этих текстов стоит отнести историко-публицистические работы преподавателей и профессоров столичных вузов – Н. И. Кареева, Е. В. Тарле, А. А. Бутенко, Б. Э. Нольде и др. Например, профессор Н. В. Ястребов говорит о необходимости перемещения «фокуса нашего духовного внимания в сфере западно-европейской культуры из мира германо-немецкого в мир англо-саксонский»³⁰. А Кареев призывает по-новому решить польский вопрос в свете новой роли России в Европе:

В двух старых своих вопросах – польском и восточном – в данную минуту Россия имеет на своей стороне две державы, которые всегда были в этих двух вопросах против нее, но и сама Россия в первом из этих вопросов встала на новый путь³¹.

²⁷ Гримм Э. Д. Борьба народов // Вопросы Мировой войны / Ред. М. И. Туган-Барановский. Пг., 1915. С. 8.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Вершинский А. Н. Немцы в русской промышленности в первой половине XVIII века // «Немецкое зло»... 1917. Вып. 2. С. 75 (согласно указанию редакции статья была написана в мае 1915 г.).

³⁰ Ястребов Н. В. Великая Сербия как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914–1915 гг. // Вопросы Мировой войны... С. 178.

³¹ Кареев Н. И. Прошлое двух союзов великих европейских держав // Там же. С. 47.

Как и многие его коллеги, он полагал, что немцы в большей степени враг для Польши, нежели Россия, что положение поляков, живущих на территории Российской империи, лучше, чем у живущих в пределах Германии. Нужно забыть старое, извлечь уроки и поставить польский вопрос более широко ³².

В свою очередь, известнейший российский профессор польского происхождения Ф.Ф. Зелинский концентрирует свое внимание на проблеме уничтожения памятников искусства, в чем основная «заслуга» принадлежит Германии. Профессор обвиняет немцев в «войне с искусством» и выражает надежду на скорейшее окончание этого варварства:

Повторяю: для нас испытание еще только впереди. И дай Бог, чтобы мы выдержали его с честью; дай Бог, чтобы художественная культура оказалась нам не приемышем, а родной дочерью; дай Бог, чтобы и про нас потомки могли сказать: французы, англичане, русские воевали с немцами, но не с искусством ³³.

Интересно, что профессорам-либералам вторят как социал-демократ, российский немец В. М. Фриче, так и консерваторы – профессора М. К. Любавский, П. И. Ковалевский и И. А. Шляпкин. Так, Фриче заявляет, что Германия «упразднила все старые культурные ценности» и в позитивном смысле противопоставляет русскую и французскую культуру немецкой ³⁴.

Достаточно экспрессивными были патриотические публикации ректора Московского университета М. К. Любавского, как известно, близкого к октябристам. На специально созванном заседании совета в сентябре 1915 г. по случаю принятием Николем II командования армией он, в частности, заявил:

Оказалось, что уже давно, целое полстолетие, среди нации, выращенной вековой русской поддержкой, вскормленной русским хлебом-солью, созрел гнусный заговор против европейской свободы и христианской цивилизации ³⁵.

От лица ученых он кается за долгое раболепие перед немецкой наукой:

И мы, русские профессора и ученые, много повинны во всеобщем ослаблении насчет Германии, нашим нередко рабским преклонением перед германской культурой, нашей верой в нравственную порядочность Германии ³⁶.

В другой своей речи, произнесенной в октябре 1915 г., Любавский вновь охарактеризовал деятельность Германии как «гнусный заговор против европейской свободы и христианской цивилизации». Также он отметил, что

³² Кареев Н. И. Польский вопрос в историческом освещении // Там же. С. 85

³³ Зелинский Ф. Ф. Война с искусством // Там же. С.198.

³⁴ Фриче В. Германский милитаризм и его отношение к культуре // Там же. С.179, 181.

³⁵ Любавский М. К. Речь ректора Императорского Московского университета. Б. м., [1915].

С. 1.

³⁶ Там же. С. 2.

своей жестокостью они едва ли не превзошли все, что было по этой части в прошлом и во всяком случае перенесли наше воображение к давно минувшим временам ассирийцев, гуннов, монголов ³⁷.

Победа Германии грозит гибели всей европейской цивилизации:

Нравственное одичание и неизбежное за ним вырождение и самоистребление грозит европейскому человечеству, быть может, и всей белой расе, если она проникнется принципами Вильгельма II и его соратников ³⁸.

Германию он сравнивает с вампиром, который в случае победы начнет высасывать жизненные соки из поверженной России ³⁹.

Достаточно болезненным для общества с начала войны стал вопрос борьбы с «внутренней Германией», в которой поучаствовали и известные профессора. Особенно примечательно в этом отношении выглядят «литературные наброски» известного слависта профессора Шляпкина, который заявляет, что «идеалом нынешнего германца стали исключительно деньги как средство внешнего благополучия» ⁴⁰. Ученый также призывает к освобождению от немецкого ига: «Людам, мыслящим по газетному камертону, представителям “печатной” русской интеллигенции, давно пора покончить с немецким игом!» ⁴¹ Признавая определенную положительную роль некоторых немцев в истории России, он все же выступает против русской привычки со времен Петра видеть в немцах превосходящую нас нацию. В этом нам поможет союз с Францией и Англией:

Однако не изменившая нам дружба Франции, геройство крохотной Бельгии и вмешательство Англии подбодрили нас. Унизительное холопское чувство страха и преклонения перед Германией стало стусевываться [...] Мы не одни... ⁴²

Особо усердствовал в своих фобиях бывший ректор Варшавского университета психиатр П. И. Ковалевский, который, рассмотрев немецкую нацию с профессиональной точки зрения, заявляет о том, что «скотские чувства германцев ныне даже усилились» ⁴³, что «чрезмерная жратва и широкое пьянство создали современного немца, тупого хищника, лжеца и бесстыдного» ⁴⁴. Ярким перлом статьи Ковалевского является утверждение: «Поскоблите немца, он и ныне окажется варваром, и при том варваром низшего сорта, без чести,

³⁷ *Любавский М.* О значении переживаемого ныне исторического момента (речь на акте Медведниковской гимназии 2 октября 1915 года). М., 1915. С. 4–5.

³⁸ Там же. С. 7.

³⁹ Там же. С. 8.

⁴⁰ *Шляпкин И.* Немецкое зло (литературные наброски) // «Немецкое зло»... Пг., 1915. Вып. 1. С. 13.

⁴¹ Там же. С. 8.

⁴² Там же. С. 5.

⁴³ *Ковалевский П. И.* Немцы – психологический очерк // Наши враги. Очерки / Ред. П. И. Ковалевский, С. Н. Сыромятников, А. М. Михайлов. Пг., 1915. Вып. 1. С. 6.

⁴⁴ Там же. С. 9.

правды и порядочности»⁴⁵. В немцах, разрушителях культуры и психически больных милитаристах, «всюду и во всем практичность и выгода. Для достижения своей выгоды они не побрезгуют никаким средством. Порядочность для них – дело условное»⁴⁶. Даже стереотип о трудолюбивых немцах Ковалевский оценивает негативно: «По природе своей немецкая нация сильна, трудолюбива, уверенно мыслящая, часто тупая, тупо-настойчива, надменна, высокомерна, самомнительна и т. д.»⁴⁷. Конечно, риторика русского националиста Ковалевского отличалась от стиля кадетской профессуры, однако по существу дела их мысли совпадали.

Стремление освободиться от немецкого влияния наблюдалось буквально во всем. Так, профессор Московских высших женских курсов Д. М. Щербачев, обрушившись на засилье немцев в отечественной медицине, призвал ездить лечиться на русские курорты, ничуть не уступавшие немецким: после Петра I, обратившего внимание на русские минеральные воды,

в продолжение 200 лет врачи, преимущественно немцы, всегда относились ко всему русскому со свойственным им пренебрежением и всегда посылали русских, особенно богатых больных, на немецкие и австрийские минеральные воды. Мы, будучи студентами, слышали в свое время больше об Эмсе и Карлсбаде, отлично знакомы с показаниями этих вод и ничего не слыхали о русских минеральных водах кроме нескольких отрывочных названий, без всяких объяснений [...] Вот почему наши больные едут лечиться от своих минеральных вод за границу. Миллионы русских денег отвозятся в Германию и идут потом на вооружение, новые крейсера и крупповские пушки⁴⁸.

Одной из наиболее экстравагантных фигур российского университетского сообщества, публиковавших свои рассуждения о войне, был крещеный буддист П. А. Бадмаев, долгое время занимавший должность лектора монгольского языка факультета восточных языков Петербургского университета. В 1915 г. он выпускает брошюру под названием «Конец войны». Автор рассматривает Германию как центр «человекогубительной культуры», с радостью констатируя:

Теперь можно смело сказать, что германская культура, завоевавшая себе положение в мире *вне христианского учения* (курсив в оригинале. – Е. Р., И. С.), рухнула. Представители науки, искусства и культуры германского народа оказались, как Фауст, продавшими себя Мефистофелю⁴⁹.

Разумеется, немецкой культуре Бадмаев противопоставляет русскую, православную, с гордостью замечая, что «могучей Российской империи бояться и на

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 14.

⁴⁷ Там же. С. 18.

⁴⁸ Там же. С. 71.

⁴⁹ Бадмаев П. А. Конец войны. Пг., 1915. С. 9–10.

западе, и на востоке»⁵⁰. Отсюда следовало неприятие внутривосточной борьбы, ослабляющей страну.

Профессора-экономисты уделяли внимание изменениям в мировой и отечественной экономике в связи с войной. В. А. Мукосеев полагал, что именно экономика стала главной причиной войны:

Итак, в вопросе о том, чем вызвана нынешняя война, не может быть речи о существенном значении факторов субъективных и случайных. Она является неизбежным следствием закономерного развития мирового хозяйства и неизбежным результатом экономических противоречий и национальных антагонизмов, заключающихся в современном мировом хозяйстве. Вот почему основные и главные причины этой войны – экономические причины⁵¹.

Профессор Политехнического института в Петрограде М. И. Туган-Барановский, констатируя, что Россия, в отличие от Германии, Англии и Франции, является промышленно отсталой страной, заключал:

По отношению к финансированию войны торгово-промышленные страны находятся в лучшем положении; по отношению же к сопротивляемости разрушительному влиянию войны на народнохозяйственный организм в лучшем положении находятся сельскохозяйственные страны⁵².

Таким образом, наиболее уязвимой была Германия, а для России ее отсталость оказывалась весомым преимуществом:

...война не нанесла тяжелых ударов нашему народнохозяйственному организму, который переносит тяжесть войны без расстройств своих основных жизненных функций, сохраняя всю свою жизнеспособность и составляя в этом отношении разительный контраст с тем, что мы видим в Германии⁵³.

Коллега Туган-Барановского по Политехническому институту А. А. Чупров, проанализировав продовольственное положение в Германии, приходит к немного иному выводу. Он полагает, что у наших врагов, несмотря на все проблемы, все еще есть определенный запас прочности: «Германия может еще горько обмануть тех из нас, кто уже видит, как выпадает меч из обессилевших от недостатка пищи рук»⁵⁴. Одновременно он заключает, что в случае снижения урожайности (фактора во многом случайного) до уровня конца XIX в. «Германия, отрезанная от подвоза, вынуждена будет капитулировать»⁵⁵. Несмотря на то что в работах нет серьезной критики экономической политики царского правительства, экономисты надеялись на реформы в этой области.

⁵⁰ Там же. С. 29.

⁵¹ Мукосеев В. А. Экономические причины войны // Вопросы Мировой войны... С. 238.

⁵² Туган-Барановский М. И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Там же. С. 270.

⁵³ Там же. С. 324.

⁵⁴ Чупров А. А. Народное продовольствие в Германии // Вопросы Мировой войны... С. 353.

⁵⁵ Там же. С. 356.

В частности, еще один профессор Петроградского политеха, М. И. Фридман, полагает «неизбежным пользоваться кредитом, а не налогами»⁵⁶. В целом экономический запас прочности России патриотически настроенные экономисты оценивали достаточно высоко. Так, профессор В. Н. Твердохлебов писал:

Тяжелым бременем ложится борьба на страну и, в частности, на местные союзы, но ведь Россия обычно именно «в борении силы напрягая, мужает» и растет, и тянется к новым светлым далям⁵⁷.

При этом и здесь неизменными оставались призывы освобождения от германской зависимости. Россия, импортируя множество товаров из Германии, просто обязана развивать многие отрасли промышленности. Об этом, в частности, писал преподаватель и известный оппозиционный общественный деятель М. В. Новорусский:

По заключении мира придет тот же самый немец со своим техническим и коммерческим опытом и убьет наши новые, эфемерные промышленные организации. Чтобы этого не случилось, мы должны одновременно работать как в насаждении новых производств, так и в насаждении условий, которые могут гарантировать прочность этим производствам [...] Положение ведь таково: или свободная организация всех своих производительных сил, или опять какое-нибудь иноземное «засилье». Третьего выхода нет⁵⁸.

Все юристы, высказывавшиеся по вопросам войны, констатировали, что Германия цинично наплевала на всевозможные нормы международного права. Профессор В. М. Гессен писал, что «германское вторжение в нейтральную Бельгию является вопиющим, ничем не оправданным нарушением международного права, – торжеством силы над правом»⁵⁹. Профессор Гельсингфорского университета С. А. Корф полагал, что, «сломив отвратительную гордыню Германии», будет необходимо пересмотреть путь мира, катящегося к самоуничтожению:

При заключении мира необходимо будет думать еще и об уничтожении тех сил, как, напр., милитаризма, вооружений, огромных постоянных армий и т. д., которые противоречили мирному развитию международного общеня и силой необходимости привели к современной ужасной войне⁶⁰.

Нельзя не отметить статью известного историка, лидера кадетов и будущего министра иностранных дел П. Н. Милюкова, в которой он касался вопроса черноморских проливов:

---

⁵⁶ Фридман М. И. Война и государственное хозяйство России // Вопросы Мировой войны... С. 383.

⁵⁷ Твердохлебов В. Н. Влияние войны на городские и земские финансы // Там же. С. 475.

⁵⁸ Новорусский М. В. Война и новые отрасли русской промышленности // Там же. С. 481–483.

⁵⁹ Гессен В. М. Война и право // Там же. С. 493.

⁶⁰ Корф С. А. Современная война и международное право // Там же. С. 531.

Мы стоим в настоящее время перед решением вековой русской национальной задачи, – распространением суверенитета русского государства на проливы, закрывающие вход в Черное море и открывающие из него выход. Задача эта должна быть разрешена в интересах России⁶¹.

При этом, однако, этот суверенитет должен быть согласован с интересами соседних держав. Характерно, что он достаточно наивно полагал, что в случае военных успехов Англия не будет возражать против передачи проливов России, но с условием свободной торговли⁶².

Оказавшийся с началом войны в немецком плену известный своими оппозиционными взглядами юрист, социолог и историк, основатель партии демократических реформ, академик М. М. Ковалевский считал, что Германия угрожает единству России:

Хотя немцы и утверждают, что якобы навязанная им война ведется ими из чувства самосохранения, но мы едва ли ошибемся, сказавши, что открыто высказываемые ими намерения угрожают целостности и единству прежде всего России, которая только в солидарности всех ее сынов может найти условия, благоприятные сохранению всех достояний ее исторического прошлого⁶³.

Одновременно он надеялся на то, что после победы (никто из профессоров не предрекал поражение России!) либерализм в нашей стране, наконец, получит развитие. О национальном вопросе рассуждал и философ, приват-доцент столичного университета С. И. Гессен. В статье «Идея нации» он показывал негативные стороны как национализма, так и космополитизма: «...космополит и националист, оба в равной мере, поглощаются дурной бесконечностью и либо проваливаются в пустоту, либо засасываются внешностью»⁶⁴. В связи с этим соответствующей он видел и цель России в войне: «...война и победа не есть самоцель, а только нужнейшее средство национального подъема»⁶⁵.

Таким образом, пик обращения к публицистике профессорско-преподавательского сообщества пришелся на 1915 г. В работах этого времени в значительной мере нашли отражение аналитические размышления русского академического сообщества о значении мировой войны. Это не случайно, ведь именно в 1915 г. стала ощущаться вся трагедия войны и ее тяжелейшие последствия для России, это был переломный момент в отношениях власти и общества эпохи Первой мировой войны.

1916–1917 гг.: патриотизм в условиях национального кризиса

1916 г. характеризовался определенной апатией, отсутствием публицистической активности. Особый пафос в предреволюционный год приобретает тема сотрудничества с обретенными союзниками – Францией и Англией.

⁶¹ Милуков П. Н. «Нейтрализация» Дарданелл и Босфора // Там же. С. 532.

⁶² Там же. С. 547.

⁶³ Ковалевский М. М. Национальный вопрос и империализм // Там же. С. 560.

⁶⁴ Гессен С. И. Идея нации // Там же. С. 585.

⁶⁵ Там же. С. 589.

В этом смысле показательны наблюдения всемирно известного антиковеда, профессора, а по совместительству видного члена кадетской партии М. И. Ростовцева, который призывал к смене культурных ориентиров русской науки от Германии к Франции и Англии:

Думаю, что теперь настало время, когда туман, окутывавший Россию в глазах ее нынешних, надеюсь, постоянных союзников, начал рассеиваться и что от нашей и наших союзников доброй воли зависит теперь, чтобы этот туман рассеялся окончательно, чтобы Россию во Франции, в Италии и в Англии узнали, по крайней мере, в такой же мере, в какой мы знаем и Францию, и Англию, и Италию⁶⁶.

Важным пунктом научной программы Ростовцева было развитие русского языка как языка международного научного общения, который должен был сменить немецкий язык – язык страны, надолго дискредитировавшей себя в глазах цивилизованной Европы:

В высшей степени важно было бы, чтобы интересующаяся наукой среда во Франции и в Англии была бы в достаточной степени полно осведомлена о текущей русской научной литературе. Полностью этого можно было бы добиться только широким распространением знания русского языка. Этого, однако, сейчас нет, и с этим нужно считаться. Дело наших союзников – двинуть вперед обучение русскому языку во Франции, в Англии и Италии. Наше дело – доказать, что русским языком стоит заниматься, что за этой стеной скрывается от западно-европейского ученого мира богатое и ценное явление⁶⁷.

Интересно, что резкие антигерманские выпады, столь распространенные в 1915 г., становятся чуть ли не исключением. Самый яркий из них – работа В. М. Бехтерева «Вильгельм – дегенерат неронового типа». Исследование, разумеется, носит скорее пропагандистский, нежели научный характер. Бехтерев хоть и не признает немецкого императора психически больным, но и не может признать его здоровым. Он напоминает о его неуравновешенном поведении и частых «ненормальных психических проявлениях»⁶⁸. Для доказательства своего тезиса о том, что немецкий лидер – дегенерат, Бехтерев даже ссылается на теорию Ч. Ломброзо⁶⁹, приверженцем которой его можно назвать с большим трудом. Вильгельм как бы сфокусировал на себе безумие всей нации, превратившейся в центр милитаризма и торжества античеловеческих идей.

Молодой приват-доцент Московского университета Н. В. Устрялов, через год ставший членом кадетской партии, выступил в печати со статьей «К вопросу о русском милитаризме», в которой выразил позицию, в целом отражавшую взгляд на войну его будущих однопартийцев. В работе он вслед

⁶⁶ Ростовцев М. И. Международное научное общение // Русская мысль. 1916. № 3. С. 77–78.

⁶⁷ Там же. С. 78.

⁶⁸ Бехтерев В. М. Вильгельм – дегенерат неронового типа. М., 1916. С. 39.

⁶⁹ Там же. С. 42.

за П. А. Столыпиным утверждал, что «нам нужна великая Россия». Достижение этой цели невозможно без сильного государства, однако «именно в русской культуре идеям государственности было очень трудно добиться признания»⁷⁰. Таким образом, Устрялов предстает подлинным государственным, едва ли не ставящим России в пример имперские идеи Германии:

Те нации, которые уже исполнили свою миссию, «слова» которых уже отзвучали, должны политически умереть и дать место другим. Но «места» во всемирной истории не даются даром – нужно уметь их взять, нужно на деле доказать свое преимущество перед старыми обладателями и новыми претендентами⁷¹.

Одновременно он предрекает гибель Германии, которая не познала «пределы своих внутренних возможностей»:

Ибо нередко, переоценив себя, и великие державы терпят тяжкие крушения. Так было с Наполеоном. Так было с Россией в эпоху крымской войны. По-видимому, так будет с теперешней Германией⁷².

Космополитизм, по мнению Устрялова, является уделом анархистов, социалистов и далеких от реальности религиозных людей. Единственный путь для России – империализм: «Международная политика Великой России должна быть великодержавной политикой, политикой империализма»⁷³. Россия должна открыто показывать свою силу:

Неуместно русскому богатырю надевать на себя маску напускной елейности, прятать острый меч и булатную палицу под лохмотья переходящего калики или под ясу чуждого миру монаха⁷⁴.

Не отказывается молодой ученый и от заветной мечты радикальных патриотов – возвращения Константинополя:

К Царьграду, казалось, издавна звала нас история. За последнее столетие этот зов нашел живой и вместе с тем вполне сознательный отклик в «душе» нашей родины [...] Самые разнообразные теоретические воззрения согласно порождают единый заветный практический лозунг: «в Царьград!» Русско-турецкие войны фатально вели нас к Босфору. Лучшие исторические традиции русской внешней политики ведут туда же. И, будем верить, Балканская война 1912 года окажется предпоследним этапом на этом пути⁷⁵.

---

⁷⁰ Устрялов Н. В. К вопросу о русском милитаризме // Проблемы Великой России. 15 (28) октября 1916 г. № 15. С. 1.

⁷¹ Там же. С. 2.

⁷² Там же. С. 2.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же. С. 5.

⁷⁵ Там же.

В условиях революционных потрясений мы видим, что линия на решительное продолжение войны вопреки общественному мнению отстаивается в текстах русской академической интеллигенции. Так, приват-доцент Петроградского университета и, кстати, будущий профессор Русского научного института в Берлине И. В. Пузино, специализирующийся в области средневековой европейской истории, заявляет:

Плеханов истинно сравнил Германию с разбойником. Голосом самих немцев я хотел подтвердить это. Жадный тевтон тянется к русским лесам и черноземным землям. Не пожаром войны, так «мирным» засильем он разорит крестьянство, поставит в тяжкую зависимость и гнет фабричных. Горе тебе, родная мать-родина! Есть ли где спасение? – В одном только: если совершится чудо, если все мы, русские, забудем о себе, о своих, личных или классовых, эгоистических пожеланиях и общим героическим подъемом пожеланием спасти, спасем родину. Да будет так!⁷⁶

Примечательно в этой связи высказывание другого известного медиевиста О. А. Добиаш-Рождественской (приват-доцента Петроградского университета и жены профессора Д. С. Рождественского) во второй половине мая 1917 г.:

Вдобавок к перспективе собственной гибели как огромного целого, экономического банкротства, голода, эпидемий и гражданской войны, еще этот привкус, для меня сейчас составляющий основной тон концерта, – стыда о предательстве тех благородных народов, которые доверились нам⁷⁷.

Ощущение надвигающейся катастрофы вполне иллюстрируют и другие источники личного происхождения: письма и дневники университетской элиты революционного времени. Приведем, например, отрывок из письма профессора А. А. Шахматова В. М. Истрину (июль 1917 г.):

Россия пропала – это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения. Отчаяние каждого из нас могло бы быть безграничным, если бы нас не отвлекали злободневные интересы. Неужели можно пережить позор и унижение родины с легким сердцем? Вообще я лишен дара видеть что-нибудь впереди, но теперь события рисуются мне так, что Керенский недели через две-три будет устранен, а Некрасов пойдет на сепаратный мир и позорные условия⁷⁸.

В то же время в условиях 1917 г. в русской академической публицистике все же появляется не просто стремление к миру, а антивоенный пафос, который раньше по цензурным и общественным условиям представлялся невозможным. Так, вернувшийся из эмиграции и включившийся в активную политическую деятельность историк Н. А. Рожков (бывший приват-доцент

⁷⁶ Пузино И. В. Чего ждут немцы от России. Пг., 1917. С. 13.

⁷⁷ Цит. по: Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 104–105.

⁷⁸ Цит. по: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004. С. 22.

Московского и будущий профессор Петроградского университета) опубликовал брошюру «Нужны ли нам проливы», в которой подверг беспощадной критике доктрину «византизма» и «неославянофильства», являвшуюся, по его мнению, отражением буржуазной идеологии:

...стремление к Константинополю и проливам суть *idée fixe* всех наших кадетствующих национал-либералов от кн. Трубецкого до Милюкова и всей его компании [...] Константинополь и проливы – теперь исчезают из рук воинствующей российской буржуазии. Организованная демократия властно сказала свое решительное слово о мире без аннексий и контрибуций, и паладин нашего империализма Милюков, по собственному его признанию пытавшийся обмануть демократию двусмысленными заявлениями, ушел с поста министра иностранных дел, вернее – его заставили уйти. Но классовая идеология живуча, при благоприятных условиях она может возродиться снова. Поэтому очень полезно разоблачить ее корни...⁷⁹

Приват-доцент кафедры истории политических учений М. А. Рейснер, будучи членом большевистской партии, занимал даже более крайнюю позицию, чем меньшевик Н. А. Рожков, заявляя, что война развязана в интересах капитала. В тексте «Война и демократия» он дал развернутую критику Мировой войны «как капиталистического предприятия в полном смысле этого слова»:

И нужно сказать, что за три года войны выцвела и та фальшивая шумиха, которая окружила войну пустыми фразами, завоевательными кликами и патриотическим воем. Мы больше не говорим ни о каких освобождениях славян, за которых так было горячо принялись наши Николаи, Бобринские и Евлоги, не слышно больше трескучих заявлений вроде призыва «истребить» или «стереть с лица земли» «гнусных тевтонских варваров»⁸⁰.

После Февральской революции ситуация, по его мнению, должна кардинально измениться:

Но теперь российская демократия, вернувшая свободу Польше, провозгласившая право свободного устройства и самоопределения каждого народа, не может делить чужие земли без спроса живущего там населения, не может выставлять силу кулака – даже весьма победного, как замену справедливости и права⁸¹.

В то же время Рейснер подчеркивает, что «наша война должна быть только в целях обороны», «пока немцы будут наступать, мы будем воевать»⁸². Мир он видел исключительно без аннексий: «Мы должны сказать, что с победой или без победы, но мы кончим войну лишь на одних условиях: при отказе наших врагов от завоеваний», «Не победа, а воля народов кончает войну»⁸³.

⁷⁹ Рожков Н. Нужны ли нам проливы? М., 1917. С. 16–17.

⁸⁰ Рейснер М. Война и демократия. Пг., 1917. С. 11–12.

⁸¹ Там же. С. 27.

⁸² Там же. С. 28, 30.

⁸³ Там же. С. 31.

При этом, рассуждая о борьбе с внешним врагом, он не забывал о борьбе с врагом внутренним, без чего в 1917 г. уже невозможно было обходиться: «...мы надеемся, что безумие спадет с глаз ослепленных, и пролетарии поймут, что их зовет будущее на новый подвиг: на борьбу за демократию против реакции...»⁸⁴.

* * *

Таким образом, 1914 г. для русской профессуры стал периодом патриотического подъема, рождением мифов о социальном и национальном единстве народа перед лицом общего врага, героизме и порядочности союзников. Война стала пониматься как «вторая отечественная», и даже описания возможных бедствий еще не часто находили место на страницах патриотической публицистики. Камертон академической публицистики – война как «борьба за культуру», не против Германии, но против империализма.

1915 г., самый тяжелый в военном отношении для России, характеризовался подлинной демонизацией Германии и немецкого народа в целом. Ученые призывали к полной (научной, экономической, культурной) эмансипации от Германии, представляемой варварским государством, разрушителем европейской культуры. Основные мотивы публицистики (помимо борьбы с «засильем») – единение с демократическими союзниками, образ России как центра славянского мира (для чего необходимо преодолеть конфликт с поляками), установление контроля России над «проливами», война как инструмент экономической модернизации России.

В 1916–1917 гг. патриотический пафос академической публицистики постепенно спадает. На первый план выходят вопросы научных контактов, особенно с союзниками. Ученое сообщество в условиях затянувшейся войны все больше задумывается о смене культурных ориентиров. В условиях глубокого социального и экономического кризиса все более актуальным становится обоснование русского империализма. Но в то же время все более активно звучит критика войны с социалистических позиций – война предстает как порождение старого политического режима.

Разумеется, что вопрос о соотношении профессорского, «общественного», в том числе «студенческого» патриотизма требует специального изучения. В литературе выделяется три периода развития патриотических настроений в российском обществе: первый (август 1914 – апрель 1915 г.) – нарастание национально-патриотических настроений, консолидация сословий; второй (май 1915 – сентябрь 1916 г.) – растерянность и начало упадка патриотических настроений; третий (с октября 1916 г.) – доминирование антивоенных и антимонархических настроений⁸⁵. По нашим наблюдениям студенческий патри-

⁸⁴ Там же. С. 32.

⁸⁵ *Лейберов*. Патриотические настроения, их проявление и участие ... С. 498; *Лимонов Ю. А.* Первая мировая война и ментальность петербуржца // Первая мировая война. История и психология. Материалы Российской научной конференции / Отв. ред. В. И. Старцев. СПб., С. 48; *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война: пролог XX века. ... С. 243 и др.

отизм в целом этой тенденции следовал⁸⁶. В этом контексте можно прийти к любопытному наблюдению о том, что настроения преподавательского сообщества скорее догоняли «студенческие» и «общественные». Иначе говоря, академическое сообщество не столько формировало общественные настроения, сколько следовало за ними. Как мы видим, черты профессорского патриотизма были противоречивы и отражали различные политические позиции деятелей высшей школы. Немаловажным, однако, являлось то обстоятельство, что постепенно антимилитаристский пафос борьбы за культуру в союзе с демократическими нациями уступал место мечтам о «проливах» и поиску внутреннего врага – борьбе с «немецким засильем» и в то же время с буржуазией, «развязавшей войну». Ничего удивительного, что «идея внутреннего мира» обернулась со временем своей противоположностью, академический патриотизм потерпел интеллектуальное банкротство, а мечтой многих патриотов-профессоров в условиях большевистского режима уже 1918 г. стала ожидаемая оккупация как недавними союзниками, так и противником – Германией.

---

⁸⁶ См. подробнее: *Ростовцев Е. А.* Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // *Отечественная история* / Ред. А. Н. Кашеваров, С. Б. Ульянова. Сб. статей. СПб., 2007. С. 72–117.